

Датская сказка " Человек-медведь "

Жил-был на свете солдат. Служил он королю верой и правдой много лет, а как вышел ему срок, отпустили его на все четыре стороны. Стоит солдат на перепутье и не знает, куда ему податься. В родной-то деревне у него уж никог не осталось. Служба у короля долгая, а за это время вся род ня солдата перемерла. Да и от крестьянской работы он давно отвык. "Э, была не была,- решил солдат,- пойду куда глаза глядят, а там видно будет". Забрел он в густой лес, идет по тропке, на деревья поглядывает и думает: "А не удавиться ли мне на первом же суку?"

Вдруг попадаетея ему навстречу какой-то человек.

– О чем, служивый, задумался? – спрашивает он солдата.

– Да ищу вот сук, на котором удавиться сподручнее. Остался я один на свете, деваться мне некуда и кормиться нечем.

– Удавиться – дело нехитрое, – говорит человек. – Лучше иди-ка ты ко мне на службу.

– А ты кто таков? – спрашивает его солдат.

– Я черт,- отвечает тот.- Слышал про меня?

– Слыхать-то слышал, да связываться с чертом у меня охоты нет. Не пойду я к тебе на службу.

– Да от тебя ничего такого и не потребуется, – говорит черт. – Служить ты мне будешь всего семь лет, а денег получишь без счету. Ну-ка, обернись назад!

Оглянулся солдат и видит: стоит у него за спиной здоровенный медведь на задних лапах. Пасть разинул, зубы оскалил, вот-вот кинется! Приставил тут солдат ружьишко к плечу – бах– бабах! – и уложил медведя наповал.

– Эге, да ты, я вижу, не робкого десятка, – говорит черт. – Такие-то мне и нужны.

Кинулся он к убитому медведю, содрал с него шкуру, выдубил ее и опять солдата спрашивает:

– Ну, так как же, пойдешь ко мне на службу?

Пораскинул солдат умом и решил: "Деваться мне все одно некуда – и так, и так пропадать. Так и быть, пойду служить черту. А там, глядишь, может, и я над ним верх возьму".

– Ладно, черт, каков твой уговор?

– А уговор мой таков,- отвечает черт.- Зашью я тебя сейчас в медвежью шкуру, и не будешь ты снимать ее ни днем, ни ночью целых семь лет. И все это время нельзя тебе будет ни мыться, ни бороды стричь. За это получишь от меня бездонный кошелек. Понадобятся тебе деньги, запусти в него руку и черпай золото полной горстью, сколько душа пожелает. А деньги те куда хочешь трать – пей, ешь, бражничай, в кости играй. Выполнишь уговор – твое счастье, ступай через семь лет на все четыре стороны. А не выполнишь- тогда уж не взыщи. Заберу твою душу на веки вечные.

– По рукам! – говорит солдат.

– Полезай тогда в медвежью шкуру!

Зашил его черт в медвежью шкуру, и стал солдат такой, что страшнее и не придумаешь.

– Ну, прощай, служивый, через семь лет свидимся, – сказал черт и пропал неведомо куда.

А солдат пошел по деревням странствовать. Нелегко ему поначалу приходилось, ведь был он до того страшен, что все его сторонились. В богатых усадьбах его со двора прочь гнали, ночевать не пускали и крошки хлеба не хотели дать. И только бедняки его жалели. И у самих-то есть нечего, а они солдата пригреют, приветят, последним куском поделятся. И за это щедро платил им солдат из своего неистощимого кошелька. И прошел по деревням слух, что объявился в округе человек-медведь. Собою уж больно страшен – нечесан, немыт – а сердце у него, видно, доброе. За приют и ласку старицей воздает, за каждый ломоть хлеба золотом расплачивается и никому в помощи не отказывает. И повалил к нему валом народ. Многих бедняков он из нужды вызволил, от долгов спас. И всех он щедро деньгами оделял. Самому-то ему немного надо было. Попил, поел, переночевал на соломе – и ладно.

Так четыре года минуло. Пришел однажды человек-медведь на постоянный двор и попросился переночевать.

– В комнаты я тебя не пушу,- говорит ему хозяин,- уж больно ты страшен. А на сеновале, коли хочешь, ночуй.

– Согласен,- говорит солдат.

Пошел он на сеновал и улегся на сене. А рядом конюшня была.

Вот лежит солдат и слышит – кто-то с конюхом разговаривает. Перегородка-то дощатая, и каждое слово слышно. Говорит конюху какой-то старик:

– Восе мы обнищали, хоть по миру иди. А тут еще должен я помещику семь сотен далеров. Где их взять – ума не приложу. Коли не отдам в срок, выгонит нас помещик из дому, и негде будет голову преклонить.

– Да неужто помещик обождать хоть сколько-нибудь не может? – спрашивает конюх.- У него-то ведь денег – хоть пруд пруди.

– Просил я его,- отвечает старик.- И слушать не хочет. "Плати,- говорит,- долг, а не то убирайся из дома".

Встал тут человек-медведь, пришел на конюшню и говорит:

– Не бойтесь меня, люди добрые. Слышал я, старик, про твою беду и хочу тебя из нужды выручить.

Поглядел на солдата старый крестьянин и видит: собою человек безобразен, хуже черта, а глаза у него добрые.

– Ты где живешь? – спрашивает солдат. Крестьянин и рассказал, где егодомишко стоит.

– Завтра я приду к тебе и деньги принесу.

Старик и опомниться не успел, а уж солдат обратно на сеновал пошел и спать завалился.

Наутро проснулся он, позавтракал, расплатился с хозяином за ночлег и пошел к старику. А старик на дворе дрова колет:

– Здравствуй, добрый человек, вот я и явился, как обещал,- говорит солдат.

– Милости просим в дом, – отвечает старик.

Вошел солдат в горницу и видит: сидят три девушки за работой. Две, постарше, прядут, а младшая пряжу мотает.

– Соберите-ка на стол гостя попотчевать,- говорит девушкам старик,- он нам денег принес, хочет нас из беды выручить.

– Ни-ни! – отвечает солдат.- Есть я у вас не стану; я и поел и попил на постоялом дворе. А деньги – вот они. Возьми их и отдай помещику долг.

– Тебе небось расписку надо? – спрашивает крестьянин.

– Зачем мне расписка? – говорит солдат.- Я тебе деньги эти без отдачи дарю.

Стал тут старик от радости сам не свой. Не знает, как гостя и благодарить. А солдат спрашивает:

– Эти девушки – дочки твои?

– Угадал ты, дочки,- отвечает крестьянин.

– Ишь какие славные; одна другой краше. Не посватаешь ли за меня которую-нибудь? Человек я холостой, может, скоро и жениться надумаю.

– Да я-то бы с радостью. Только вот как они? Неволить я их не стану.

– Зачем неволить? – говорит солдат. – А ты спроси их.

Тут две старшие дочки разом закричали:

– И спрашивать нечего! Не пойдем за такого страхолюда! Да и грязнящий он, спасу нет! Нет уж, пускай себе другую поищет.

А младшая, Ингрид, покраснела и говорит отцу.

– Хоть он и не вышел лицом, а видно, что человек добрый. Раз он нас, батюшка, из беды выручил, то я согласна за него замуж; иди.

Тут солдат ей отвечает:

– Нет, моя красавица, сейчас я тебя еще в жены не возьму, а вернусь я сюда ровно через три года. Только много за этот срок воды утечет, и может статься, что не признаем мы друг друга.

Есть вот у меня кольцо золотое. Я его переломлю пополам; одну половину себе возьму, а другую тебе отдам. А как увидимся через три года, приладим две половинки- и таким путем друг друга признаем.

Простился солдат со всеми и пошел дальше странствовать.

А старшие сестры давая над Ингрид насмехаться. Уж такого, дескать, женишка себе отхватила, что ни людям показать, ни самой поглядеть! Ингрид им на это отвечает:

– Я его и на красавца писаного не променяю. С лица не воду пить, было бы сердце доброе.

Минул срок, и пришел человек-медведь на то самое место, где он семь лет назад с чертом повстречался. А черт уж тут как тут.

– Ну, что, нечистый, не нарушил я уговор? – спрашивает его солдат.

– Нарушить-то не нарушил, да только плохую ты мне, солдат, службу сослужил. Ты все мои деньги на добрые дела тратил, бедный люд из нужды вызволял, и это мне, черту, не с руки.

Просил разве я тебя об этом?

– Просить-то не просил, да и запрету вроде тоже не было.

– Твоя правда,- говорит черт. – У меня-то этого и в мыслях не было.

– Ну, так снимай с меня медвежью шкуру долой. Теперь мы квиты, и я тебе больше не слуга.

Заскрежетал черт зубами, завыл от злости, завертелся волчком, да делать нечего. Против уговора не пойдешь. Снял он с солдата медвежью шкуру и отпустил его на все четыре стороны.

Пошел тогда солдат в деревню и взял свои деньги, что еще раньше на черный день припрятал. Раздобыл себе новую одежду, помылся и таким стал молодцом, что хоть куда. А потом купил он возок да пару добрых коней и поехал к своей невесте. Подъезжает он к дому, а навстречу ему отец Ингрид выходит. Только теперь-то солдат совсем другой стал, старик и не признал его.

Поклонился он гостю и спрашивает:

– Что угодно вашей милости?

– Нельзя ли у тебя, хозяин, отдохнуть, коней напоить? – спрашивает солдат.

– Да тут и постоянный двор недалеко, – отвечает старик. – Но уж коли ты моим домом не побрезгуешь, то милости просим.

Вошел солдат в дом и видит, сидят две сестры за прялками, а младшая, Ингрид, пряжу мотает.

– Соберите гостю закусить, – говорит дочерям старик.

Тут две старшие дочки зашептались меж собою:

– До чего же пригожий молодец! И собою видный, и одежда на нем богатая!

Забегали они, захолопотали, наставили всяких кушаний на стол.

А младшая, Ингрид, как сидела за работой, так и с места не двинулась.

– Эти девушки-дочки твои? – спрашивает гость старика.

– Угадал, господин, дочки, – отвечает старик.

– А не отдашь ли мне в жены вот эту? – говорит гость и на Ингрид показывает.

– Нет, господин, я уже просватана, – отвечает ему Ингрид.

– А где же твой жених?

– Да ныне три года минуло, как ушел он, и с той поры никаких вестей о себе не подавал.

– Так он, верно, давно тебя забыл. Нечего тебе его дожидаться, выходи за меня замуж,- уговаривает ее гость.

А Ингрид свое твердит:

– Нет, он непременно вернется, я знаю!

Тут две старшие сестры наперебой зашумели:

– И на что она вам сдалась? Пускай себе сидит да своего страхолюда дожидается. Берите нас в жены, любую выбирайте, чем мы ее хуже?

Только гость на них и смотреть не хочет и опять у Ингрид спрашивает:

– А как же ты своего жениха признаешь? Он, может, теперь совсем другой стал?

– Оставил он мне половинку кольца, – отвечает Ингрид. – У кого другая половинка объявится, тот, стало быть, и есть мой суженый.

– Тогда, выходит, это я и никто другой, – говорит гость, – вот она, половинка-то, у меня!

Обрадовалась Ингрид и жениху на шею кинулась. Созвали они гостей и веселую свадьбу сыграли.

Прикупил себе солдат земли и стал жить припеваючи с молодой женой и ее стариком отцом.